

Г. В. Титова <https://orcid.org/0000-0002-3321-430X>**«Органическая критика»: концепт и метод (Аполлон Григорьев и Александр Блок)**

Публикация посвящена исследованию статьи А. А. Блока «Судьба Аполлона Григорьева» в историко-теоретической перспективе и театральных реминисценциях. Различные аспекты влияния Ап. Григорьева на А. Блока не раз становились объектом интереса исследователей блоковского творческого наследия. Однако в подавляющем большинстве работ внимание традиционно уделяется своеобразию образной системы поэтического творчества. При этом анализ корпуса критических текстов А. Блока чаще всего оказывается темой побочной. Одновременно с этим и исследование своеобразия авторского критического метода Ап. Григорьева долгое время носило преимущественно фрагментарный характер – во многом благодаря развитию формальной школы литературоведения, противопоставившей «органической критике» Григорьева собственно-научный подход. Благодаря анализу статьи «Судьба Аполлона Григорьева» и других текстов А. Блока, его современников и исследователей выявляются параллели между подходом «творца органической критики» Ап. Григорьева, предпочитавшего «мысль сердечную» мысли «головной», а «рожденные» произведения искусства – «деланным», и критическим подходом от «восприятия» А. Блока. Обладая всеми признаками прозы Блока (термин самого поэта для обозначения своих критических и публицистических текстов), статья «Судьба Аполлона Григорьева» все-таки стоит в ней особняком. В статье Блок определенно хотел отказаться от обычного для себя подхода к чужому тексту, театральному сюжету или культурологической проблеме. Он провел на сей раз настоящие источниковедческие разыскания, хотя казалось, что в случае с Ап. Григорьевым, давно вошедшим в его художественный мир, это было не так уж обязательно. Изучение разрабатывавшихся Григорьевым идей и методов критического анализа оказывается принципиально важным фактором для исследования процесса развития русской критической мысли, в частности для исследования театрально-критических текстов А. Блока, и позволяет проследить эстетические связи между эпохами «последнего русского романтика» и «первого русского символиста».

Ключевые слова: А. Блок, Ап. Григорьев, критика, метод, судьба, символизм, формальная школа.

G. V. Titova

Organic Criticism: Concept and Method (Apollon Grigoriev and Alexander Blok)

The article is dedicated to Alexander Blok's research «Fate of Apollon Grigoriev», viewed in historical and theoretical key and in theatre reminiscences. Various aspects of aesthetic relationship between Ap. Grigoriev and A. Blok often attract the attention of researchers. However, traditionally in the overwhelming majority of works attention has been paid to the uniqueness of the figurative system of Blok's poetics, while the analysis of the corpus of critical texts written by A. Blok turns out to be a kind of side topic. At the same time, the study of originality of Ap. Grigoriev's critical articles stays mostly superficial. In many ways, this attitude to Grigoriev's «organic approach to the criticism» was shaped by the development of Russian formal literary school, which elaborated a structural scientific approach to the text analysis. By analyzing the article «Fate of Apollon Grigoriev», other texts written by A. Blok and works dedicated to the study of Blok's literary oeuvre, the author of the article detects parallels between «perceptual» critical method of A. Blok and the approach of Ap. Grigoriev as the «creator of organic criticism», who preferred the «thought of the heart» to the thoughts of the «head», and works of art that were «born» to those that were «made». Possessing all the hallmarks of Blok's prose (the term of the poet to designate his critical and journalistic texts), the article «The Fate of Apollo Grigoriev» still stands alone in it. In it, Blok definitely wanted to abandon his usual approach to somebody's text, theatrical plot, or a culturological problem. This time he conducted a real source research, although it seemed that in the case of An. Grigoriev, who had long been included in his artistic world, it was not so necessary. The analysis of ideas and critical approach developed by Ap. Grigoriev is fundamentally important for the study of aesthetic and methodological attitudes evolution in Russian art criticism, and, in particular, for the analysis of A. Blok's critical articles dedicated to theatre practice. It allows tracing aesthetic connections between the epoch of the «last Russian romantic» and the time of «the first Russian symbolist».

Keywords: A. Block, Ap. Grigoriev, criticism, method, fate, symbolism, Russian formalism.

Обладая всеми признаками *прозы* Блока (термин самого поэта для обозначения своих критических и публицистических текстов), статья «Судьба Аполлона Григорьева» (1916 г.) [5] все-таки стоит в ней особняком. В ней Блок определенно хотел отказаться от обычного для себя подхода к чужому тексту, театральному сюжету или культурологической проблеме, который сам называл подходом от «восприятия».

Понятно, что уйти от себя поэт не мог по определению, но усилий к тому приложил немало. Он провел на сей раз настоящие источниковедческие разыскания, хотя казалось, что в случае с Ап. Григорьевым, давно вошедшим в его художественный мир, это было не так уж обязательно. «Всю осень, – свидетельствовал В. Н. Княжнин, – А. А. просидел в библиотеке Академии наук, главным образом в журнальном

отделении, занимаясь розысками и перепиской стихов Григорьева из старых журналов» [2, с. 214]. (Это, между прочим, означало, что Блок проявил большую научную добросовестность, чем В. Ф. Саводник, приступивший тогда же к изданию собрания сочинений Григорьева [8]. По авторитетному свидетельству современного исследователя творчества Григорьева Б. Ф. Егорова, издание В. Ф. Саводника оказалось крайне неудачным – тексты не были сверены с журнальными публикациями и т. д. [7, с. 544.]). Перечисляя со знанием дела литературоведческие долги Григорьеву, Блок стремился их посылно возместить тщательно собранным и откомментированным поэтическим сборником. А вступительную статью к нему рассматривал как *изложение* творческого пути Григорьева, независимое от привычного подхода от «восприятия». Но это парадоксальным образом только подчеркнуло для современников исключительную близость Блока к Григорьеву – и в совпадении «судьбы», и в тематических пластах поэзии, да и в «бесах», которые, по словам Блока, одолевали Григорьева. Блоковская статья стала и непреодолимым препятствием к независимому от собственной «судьбы» изучению наследия Григорьева. Этого поэт уж никак не предполагал, будучи убежден, что сделал все, дабы привлечь внимание к Григорьеву, а не к себе [3, с. 456]. Рикошетом отлетело к самому Блоку и его пренебрежительное отношение к «прозе» Григорьева, которой он посвятил в статье один испепеляющий абзац: «Конечно, не “урожденный критик” (если такие вообще водятся на свете), как полагал его друг Н. Н. Страхов; не “критик”, потому что художник; однако строчил он пространно, языком небрежным и громоздким, в статьях же иногда и водянистым, даже более водянистым, чем язык Белинского» [5, с. 490]. Григорьев мог бы возразить Блоку, что критик, даже критик-поэт, только «половина художника». Он так и писал: «Критик (я разумею здесь настоящего, призванного критика, а таковых немного) есть половина художника, может быть, даже в своем роде тоже художник, но у которого судящая, анализирующая сила перевешивает силу творящую» [7, с. 127]. Но современников интересовал не Григорьев, а Блок. Они не задумывались над тем, «урожденным» или «не урожденным» критиком был Григорьев, призывая Блока оставаться только Поэтом. Попытки отделить Блока-поэта от его прозы не ослабевали с символистских времен. Вот что писала З. Н. Гиппиус в эссе 1922 г., уже после смерти Блока: «Длинная статья Блока, напечатанная в виде предисловия к изданию сочинений Ап. Григорьева, до такой степени огорчила и пронзила меня, что показалось невозможным молчать» [6, с. 47]. И она «ответила» своему «лунному другу» в статье (альманах «Огни», 1916 г.), суть которой определялась эпиграфом: «По-

этом можешь ты не быть, / Но человеком быть обязан» [Цит. по: 6, с. 47].

Но и Ю. Н. Тынянов, напрочь лишенный символистской экзальтации Гиппиус, относился к прозе Блока негативно: «...литературные выступления в подлинном смысле слова никем не зачитываются в облик Блока. Едва ли кто-нибудь, думая о нем сейчас, вспомнит его жесткие статьи, оскорбляющие именно нечто, что питают его стихи. Если собрать все статьи Блока, то вместе они взволнуют и оскорбят почти подобно “Переписке с друзьями” Гоголя, тайное родство с которым неожиданно для нас почувствовал сам Блок. Даже в простых “введениях”, как статья, возглавляющая собранные им стихи Аполлона Григорьева, – Блок сумел быть спорным» [Цит. по: 12, с. 438].

В дни революции, когда Блок трагически постигал напрогноченное Ф. Ницше крушение гуманизма (название статьи Блока 1919 г.), он гласно объявил свою любовь к Григорьеву несовместимой с «судьбами культуры русской», которые еще вчера казались ему определяющимися «на наших глазах» [5, с. 487]. Судьбы русской культуры возникали теперь перед поэтом в трагических перепадах и перекосах его дум о революции, которую, по словам О. Мандельштама, он воспринимал, как «высшее музыкальное напряжение и катастрофическую сущность культуры» [10, с. 266]. И в Григорьеве уже не чувствовал созвучия с этими зовами времени.

Блок верил, что говорить о Григорьеве «еще будет время» [4, с. 451]. Но, когда это время, сразу после смерти Блока, наступило (1920-е гг. открывались для самых широких научных изысканий), оказалось, что это время Блока, а не Григорьева, в котором Григорьеву была уготована роль «сопутствующего». «Семиструнная гитара, подруга Аполлона Григорьева, была для него (*Блока. – прим. Г. Т.*) не менее священна, нежели классическая лира» [9, с. 76], – писал в 1922 г. Мандельштам. И еще: «Он пришел из дебрей германской натурфилософии, из студенческой комнатки Аполлона Григорьева» [11, с. 175]. Не обошелся без оглядки на Григорьева и начавшийся анализ поэтики Блока. Статья Б. М. Эйхенбаума в сборнике 1921 г. «Об Александре Блоке» называлась «Судьба Блока», который совершенно совпадал «с близким ему по духу Ап. Григорьевым» [13, с. 50].

Почему сам Григорьев в 1920-е гг. мало кого интересовал, в общем понятно. Молодая литературоведческая школа не находила в «органической критике» Григорьева научной ценности. Ю. Н. Тынянов, начиная статью «Мнимый Пушкин» (1922 г.) знаменитыми словами Григорьева «Пушкин – это наше все», писал: «Эта старая формула Аполлона Григорьева, еще подкрепленная в эпоху символизма религиозно-философской абстракцией Мережковского, остается и до сих пор некоторым знаменем. Опира-

ясь на ценность Пушкина, эту ценность объявили единственной: примите Пушкина, остальное приложится» [12, с. 78]. Утвердившемуся в культурной традиции и литературоведении с легкой руки Григорьева «панпушкинизму» противопоставлялся собственно-научный подход, согласно которому «историко-литературное изучение, вполне считаясь с ценностью явлений, должно порвать с фетишизмом» [12, с. 78].

Окончательно литературоведческий сюжет Блок – Григорьев сложился в статье Д. Д. Благого «Александр Блок и Аполлон Григорьев» (1927 г.) [1]. Благой, как и предшественники 1920-х гг., говорит о Григорьеве сквозь призму Блока. Но Григорьев видится автору статьи равноправной Блоку фигурой, его историческим двойником. «Окидывая ищущим оком ту бескрайнюю русскую равнину, на которой он очутился, – выразительно писал Благой, – Блок не мог не заметить в снежном далеке одинокую фигуру “с палкой и узелком”, “ковыляющую” в том же направлении, – своего исторического “двойника”, “последнего романтика 50-х гг., следами которого суждено было идти и ему – “последнему романтику” нашей дореволюционной действительности» [1, с. 499].

Благой считает, что Григорьев был заложен чуть ли не в генетический код Блока (исследователь отмечает: «...его (Блока. – прим. Г. Т.) бабка Е. Г. Бекетова лично общалась с Григорьевым» [1, с. 493]; от нее внуку достался редчайший сборник стихотворений Григорьева, выпущенный в 1846 г.). А мать поэта, цитирует Благой его тетку и биографа М. А. Бекетову, «увлекалась» ... стихами Григорьева» и «открыла ему глаза на последнего» [цит. по: 1, с. 493].

Анализируя образную систему творчества Блока 1906-1908 гг., Благой наглядно демонстрирует, как григорьевская «Комета» становится ее исходной точкой и лейтмотивом: «Комета – Снежная дева – Незнакомка – Цыганка – Фаина» [1, с. 505]. От «Кометы», считает исследователь, берет начало и новое общее звено поэзии Блока, роднящее его с Григорьевым – цыганская Русь, «григорьевско-блоковская женщина-комета», «русская цыганка». С «Кометой», убежден Благой, связана у Блока и вновь возникшая тема «борьбы» и тема «радости – страдания» («Безумного счастья страдания / Ты мне никогда не дарила», – цитирует он в подтверждение одно из стихотворений Григорьева [1, с. 511]).

Хотя Блок, как уже говорилось, отрицал Григорьева-критика, Благой, бесспорно, прав, утверждая, что и «Григорьеву-мыслителю» Блок «был обязан также немало» [1, с. 514]. Блок Григорьева-мыслителя не отрицал, даже называл его «величайшим мыслителем», но где, как не в «критических и теоретических работах» [1, с. 514-515], справедливо замечает Бла-

гой, он мог таковым себя показать. Сама идея позднего Блока об «органическом единстве каждой исторической эпохи, где все ее проявления выражают одну и ту же внутреннюю сущность» [1, с. 514], – григорьевская. Эта сущность – «музыкальный смысл» эпохи. Навященный Григорьевым, «творцом органической критики», проницавшим параллелизм событий жизни и искусства. У Григорьева перенимает Блок и его любимое слово «вевание»; последовательность и совокупность «веваний», считает Благой, «и составляет запах и цвет эпохи» [1, с. 514-515].

Анализирует Благой и статью «Судьба Аполлона Григорьева», вскрывая символистскую прокладку всего разговора Блока о Григорьеве. «Путь Аполлона Григорьева для Блока – путь не только “последнего романтика”, но и первого русского символиста» [1, с. 516]. Благой считает, что в переживании Блоком поэзии Григорьева как ранней «зари русского символизма» заключен «весь пафос статьи Блока» [1, с. 516]. С этим трудно не согласиться.

Библиографический список

1. Благой, Д. Д. От Кантемира до наших дней [Текст] : в 2 т. Т. 1 / Д. Д. Благой. – М. : Художественная литература, 1979. – 548 с.
2. Блок, А. А. Письма Александра Блока [Текст] / А. А. Блок ; вступ. ст. и примеч. С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова и др. – Л., 1925. – 243 с.
3. Блок, А. А. Письмо Блока А. А. Измайлову от 28 января 1916 г. [Текст] / А. А. Блок // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. – Т. 8. Письма 1898-1921. – М. : Гослитиздат, 1962. – С. 455-456.
4. Блок, А. А. Предисловие к лекции о КатиLINE, читанной в школе журнализма [Текст] / А. А. Блок // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. – Т. 6. Проза: 1918-1921. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1962. – С. 451-452.
5. Блок, А. А. Судьба Аполлона Григорьева [Текст] / А. А. Блок // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. – Т. 5. Проза: 1903-1917. – М. ; Л. : Гослитиздат, 1962. – С. 487-523.
6. Гиппиус, З. Н. Мой лунный друг: о Блоке [Текст] / З. Н. Гиппиус // Живые лица. – СПб. : Азбука, 2011. – С. 11-61.
7. Григорьев, А. А. Литературная критика [Текст] / А. А. Григорьев ; под ред. Б. Ф. Егорова. – М., 1967. – 632 с.
8. Григорьев, А. А. Собрание сочинений Аполлона Григорьева [Текст] : вып. 1-14 / А. А. Григорьев ; ред., вступ. ст. В. Ф. Саводника. – М. : Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915-1916.
9. Мандельштам, О. Э. Барсучья нора [Текст] / О. Э. Мандельштам // Слово и культура : статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – С. 76-80.
10. Мандельштам, О. Э. К статье «Барсучья нора» [Текст] / О. Э. Мандельштам // Слово и культура: Статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – С. 265-268.
11. Мандельштам, О. Э. Письмо о русской поэзии [Текст] / О. Э. Мандельштам // Слово и культура: Статьи. – М. : Советский писатель, 1987. – С. 173-177.
12. Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов ; отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников. – М. : Наука, 1977. – 577 с.

13. Эйхенбаум, Б. М. Судьба Блока [Текст] / Б. М. Эйхенбаум // Об Александре Блоке. – Пг., 1921. – С. 39-63.

Reference List

1. Blagoj, D. D. Ot Kantemira do nashih dnejj = From Kantemir to the present day [Tekst] : v 2 t. T. 1 / D. D. Blagoj. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1979. – 548 s.
2. Blok, A. A. Pis'ma Aleksandra Bloka = Letters of Alexander Blok [Tekst] / A. A. Blok ; vstup. st. i primech. S. M. Solov'eva, G. I. Chulkova i dr. – L., 1925. – 243 s.
3. Blok, A. A. Pis'mo Bloka A. A. Izmajlovu ot 28 janvarja 1916 g = Letter of Blok to A. A. Izmailov dated from January 28, 1916 [Tekst] / A. A. Blok // Blok A. A. Sobr. soch. : v 8 t. – T. 8. Pis'ma 1898-1921. – M. : Goslitizdat, 1962. – S. 455-456.
4. Blok, A. A. Predislovie k lekcii o Katiline, chitannoj v shkole zhurnalizma = Preface to the lecture on Catiline, read in the school of journalism [Tekst] / A. A. Blok // Blok A. A. Sobr. soch. : v 8 t. – T. 6. Proza: 1918-1921. – M. ; L. : Goslitizdat, 1962. – S. 451-452.
5. Blok, A. A. Sud'ba Apollona Grigor'eva = The fate of Apollon Grigoriev [Tekst] / A. A. Blok // Blok A. A. Sobr. soch. : v 8 t. – T. 5. Proza: 1903-1917. – M. ; L. : Goslitizdat, 1962. – S. 487-523.
6. Gippius, Z. N. Moj lunnyj drug: o Bloke = My Moon Friend: About Blok [Tekst] / Z. N. Gippius // Zhivye lica = Living Faces. – SPb. : Azbuka, 2011. – S. 11-61.
7. Grigor'ev, A. A. Literaturnaja kritika = Literary criticism [Tekst] / A. A. Grigor'ev ; pod red. B. F. Egorova. – M., 1967. – 632 s.
8. Grigor'ev, A. A. Sobranie sochinenij Apollona Grigor'eva = Collected Works of Apollon Grigoriev [Tekst] : vyp. 1-14 / A. A. Grigor'ev ; red., vstup. st. V. F. Savodnika. – M. : Tipolitografija t-va I. N. Kushnerev i K^o, 1915-1916.
9. Mandel'shtam, O. Je. Barsuch'ja nora = Badger's hole [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam // Slovo i kul'tura : stat'i = Word and Culture: Articles. – M. : Sovetskij pisatel', 1987. – S. 76-80.
10. Mandel'shtam, O. Je. K stat'e «Barsuch'ja nora» To the article «Badger's hole» [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam // Slovo i kul'tura: Ctat'i = Word and Culture: Articles. – M. : Sovetskij pisatel', 1987. – S. 265-268.
11. Mandel'shtam, O. Je. Pis'mo o russkoj poezii = Letter about Russian poetry [Tekst] / O. Je. Mandel'shtam // Slovo i kul'tura: Stat'i = Word and Culture: Articles. – M. : Sovetskij pisatel', 1987. – S. 173-177.
12. Tynjanov, Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino = Poetics. Literary history. Cinema [Tekst] / Ju. N. Tynjanov ; otv. red. V. A. Kaverin, A. S. Mjasnikov. – M. : Nauka, 1977. – 577 s.
13. Jejhbaum, B. M. Sud'ba Bloka = Block's fate [Tekst] / B. M. Jejhbaum // Ob Aleksandre Bloke = About Alexander Blok. – Pg., 1921. – S. 39-63.